

Не успела Кира вернуться с прогулки с собакой, скинуть обувь и босиком прошлепать на кухню, как раздался настойчивый звонок в дверь. Спрашивать, кто пришел и зачем, а тем более смотреть в глазок ей не хотелось, поэтому Самойлова молча повернула щеколду и пустила гостя.

— Привет, Зюзя! — весело подмигнул Кирилл.

Он стоял, уперев руки в боки и чуть склонив голову к плечу. Судя по плутоватой улыбке, брат пребывал в превосходном расположении духа.

Природа проявила по отношению к молодому человеку удивительную щедрость. В первую очередь внимания заслуживала атлетическая фигура. Такую другим приходилось добывать годами в спортзале, ему же досталась даром. Но это было не главное достоинство его внешности. Туда же следовало добавить слегка вздернутые уголки губ, которые многих вводили в заблуждение. Неважно, был ли Кирилл настроен серьезно или даже огорчен, — казалось, все он воспринимает с легкой иронией. Ну и последний штрих к портрету — лукавые искорки в глазах. В общем, для слабого пола сочетание получилось совершенно убойное.

— Перестань называть меня Зюзей, — нахмурилась Кира, — иначе буду называть тебя Фофой.

— А я и не против. Я люблю Тургенева. Кстати, тебе на заметку, у него был не Зюзя, а Зёзя. Так что логичнее было бы называть меня Фюфой.

— Книголюб! Мне вот интересно, почему ты у него позаимствовал для меня именно это прозвище? Приличнее ничего придумать не смог?

5

— Потому что тебе оно очень подходит. Но если тебе не нравится, то хорошо, Кир-р-ра, — шутник пожал плечами, сделав ударение на «р» так, что ее аж передернуло.

Произведенный эффект гостю очень понравился, и его улыбка стала шире. Он вообще любил всем давать прозвища. Среди его знакомых были Арчибальдовна из Перловки, Лептоспирозная Белка, Марчиба, Бельевая Пуговица, Ювираст, Хромая Канарейка и множество других ярких персонажей. По его мнению, такой подход упрощал коммуникацию — если требовалось рассказать о ком-то, то необходимость делать отсылки к истории в стиле «Лена, которая замужем за Андреем, с которым я учился до второго курса, а потом как-то встретил на выставке...» отпадала сама собой. Прозвище не только не позволяло запутаться среди бесконечных знакомых с однотипными именами, оно несло и дополнительную функцию — давало краткое и емкое представление о личности.

— Нет уж, тогда пусть лучше будет Зюзя, раз благозвучней для меня ничего не нашлось, — вяло покорились сестра, махнув рукой. — Почему ты никогда не предупреждаешь, когда собираешься прийти?

— Это же элементарно, коллега, — ответил брат тоном профессора, который собирается сделать доклад на ученом совете, и даже провел пальцем по переносице, как будто поправил несуществующие очки. — Если ты куда-то уходишь вечером, то просишь меня погулять с собакой. Если не просишь, значит, ты дома.

— Но у меня же может быть личная жизнь? — возмутилась Самойлова.

Назвать ее красавицей было бы слишком смело. Таковой она не являлась по определению, но порода в девушке определенно чувствовалась: длинные руки и ноги, высокий лоб, гордая посадка головы. Тощей и костлявой фигура не выглядела, скорее тонкой и гибкой. Если добавить к этому портрету еще чуть вздернутый нос и широко расставленные ореховые глаза, то получалось совсем неплохо. Правда, брат любил над ней под-

шучивать: «Они у тебя не ореховые, а желтые, как у дворовой кошки. Не льсти себе».

Хотя она и не производила такого яркого впечатления, как брат, в целом все в ней было органично. Лишь упрямый рот давал понять молодым людям, что на легкий флирт и ни к чему не обязывающие отношения рассчитывать не стоит. И это было правдой: романы от скуки Самойлова не признавала, оттого и не могла похвастаться бурной личной жизнью. Когда кто-нибудь из подруг начинал подкалывать ее, называя синим чулком, она всегда отвечала цитатой: «Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем вместе с кем попало¹». Такой сентенции приятельницы до конца не понимали, но предусмотрительно обижались.

Небурная личная жизнь тем не менее иногда сопровождалась довольно страстными романами. Правда, продолжительностью они не отличались. Причины были разными, инициаторы разрыва тоже. Но тенденция все же просматривалась: как правило, через несколько месяцев Кира понимала, что на одной страсти далеко уехать невозможно. Страсть — стимул к сближению самый мощный, но самый кратковременный. Надо еще о чем-то говорить. А темы для бесед, выходящие за рамки еды, тряпок, кино и стримов, находились исключительно редко. Попытки расширить кругозор и рамки восприятия окружающей действительности избранника встречали непонимание и довольно активное сопротивление. По неведомой причине предложение поговорить на абстрактные и философские темы воспринимались так негативно, как если бы Самойлова предложила заняться торговлей органами или оружием. Единственные в окружении, кто приветствовал и поддерживал такой формат общения, были только брат и приятель.

— Какая еще личная жизнь? Кузьмич, что ли? Эта помесь обожателя и предмета мебели?

— Ой, хорошо, что он еще не пришел. Услышал бы — расстроился. И вообще, не обижай его. Он хороший, добрый, а главное, очень умный. А я это в мужчинах ценю больше всего.

---

¹ Две строки из четверостишия Омара Хайяма.

— Ах, ну да! Самая сексуальная часть мужчины — мозг...

— Именно!

— Это тема для дискуссии. Но не сейчас. И вообще, я не собирался его обижать. Мне просто любопытен его статус.

Сделав паузу, Кирилл удивленно добавил:

— Почему, когда говорю правду, люди думают, что я хочу кого-то обидеть?

— Может быть, все дело в интонации?

Кузьмичом звали старого приятеля и поклонника Киры, с которым она познакомилась больше года назад. В какой момент и по какой причине он стал Кузьмичом, никто сказать бы не смог, но прозвище приклеилось намертво. Кажется, его настоящее имя помнили лишь родители. Но это не точно.

Однажды став воздыхателем, молодой человек за все время так и не продвинулся в ухаживаниях ни на шаг. Кажется, Кузьмич нашел свое положение вполне комфортным и ничего менять не планировал. Самойлова же в первое время ожидала объяснения, но потом как-то привыкла к этим странным отношениям. Не сказать, чтобы они ее полностью устраивали, но менять что-то не позволяло воспитание.

Пока сестра с братом активно общались в прихожей, собака шаркающей походкой кавалериста прошла на кухню, задумчиво понюхала пустую миску, лизнула для верности ее дно, немного подумала и посмотрела на хозяйку. В этом взгляде было все — печальный укор, глубокая обида, искреннее недоумение, вселенское страдание и всепобеждающая надежда на человеческую гуманность. Глазами Чик владел не хуже, чем талантливый лингвист родным языком.

Этот пес был крупной дворнягой, который появился в доме волей случая и благодаря Кириной безмерной сердобольности. Как-то случилось ей выручить подругу, которой надоело сидеть днями напролет за стойкой ресепшен в одной конторе с трудновыговариваемым названием. Захотелось девушке хоть на время забыть о хамоватых курьерах, бесконечных звонках

и тоннах корреспонденции, и отправилась она отдохнуть к морю. А на время отсутствия попросила Самойлову поработать вместо себя. Поскольку дел особых не было, впрочем как и денег, Кира довольно легко согласилась. Тем более что продолжительность мероприятия должна была составить по плану всего две недели. Правда, по возвращении с курорта подруга умудрилась тут же сломать ногу, чем продлила себе законный отдых еще на два месяца. За это время Самойлова успела не только познакомиться с коллективом, но и завести дружбу с местной фауной в лице прибулавившегося на территории компании пса. Тот был дружелюбен и исключительно деликатен. Каждое утро он встречал девушку у входа, подпрыгивая и едва касаясь носом ее локтя. В те времена активная жизнь на свежем воздухе благотворно сказывалась на его фигуре, прыжки были легкими и грациозными. За такие приветствия дворняга регулярно получала что-нибудь вкусное — кусок колбасы или котлету. Аналогичный бартер практиковался им и с другими сотрудниками не менее успешно. Даже генеральный директор не остался без внимания. Тот периодически передавал приветы от жены в виде кулечков с куриными костями.

Но нашлись «добрые» люди, которым этот пес чем-то помешал. Они вызвали службу отлова, и милейшее существо отправили в приют. Буквально через несколько дней после этого по телевизору и в интернете прокатился скандал с одним из таких заведений для бездомных животных. Фотографии мертвых собак и кошек, сваленных грудой под забором и вмерзших в лед, настолько потрясли Киру, что она тут же поехала разыскивать этого пса, чтобы спасти хотя бы одного от подобной участи.

Собаку пришлось искать долго. Никто не мог толком ответить, куда именно ее направили. Кира звонила по разным инстанциям, ездила по приютам в округе, связывалась с волонтерами, чтобы те как-то помогли в розыске, но только через месяц удалось установить местонахождение. К тому времени из-за постоянного стресса жизнерадостный пес превратился в махрового неврастеника — как только девушка подошла, он

бешено облаял ее, прыгая всеми лапами на сетку вольера. Но стоило зайти внутрь, забился в будку, так что вытащить волоком его оттуда удалось только с помощью сотрудника приюта. До машины дворнягу вообще пришлось нести на руках, поскольку тот упал на бок и идти просто отказался.

Девушка назвала его Мальчик, коротко — Чик. Со временем на хозяйских харчах тот раздобыл, спина у него стала напоминать скамью, так что с грациозностью начались большие проблемы. Ходить пес начал неторопливо, переваливая жирными боками. А если и бегал, то тяжело и преимущественно за дворовыми котами, поскольку мопеды и мотоциклы в округе являлись редкостью. Зато выяснилось, что у него есть своеобразное чувство юмора и богатейшая фантазия.

Чувство юмора проявлялось исключительно при общении с сородичами, чьи линейные параметры больше подходили хомяку или белке. Завидев вдалеке такую помесь собаки с насекомым, Чик приобретал задумчиво-отрешенное выражение морды, что давало потенциальной жертве надежду пройти мимо, не заработав инсульт. Но как только создание оказывалось за спиной, Кирин питомец резко разворачивался и мощно рывкал в спину. Звучало это почти так же эффективно, как взрыв противопехотной мины, — несчастное существо взмывало вверх на полметра, иногда вместе с хозяином. А Чик беззаботно трусил дальше по своим делам, принципиально игнорируя гневные вопли пришедших в себя от испуга собаководов. Нудные наставления хозяйки о правилах поведения в общественных местах и угрозы таскать его все время на поводке пес также подвергал остракизму. Правда, с крупными соплеменниками подобные шутки он не проворачивал, считая, видимо, что те не обладают нужной прыгучестью. Кирилл определил проявившуюся склонность к подобным забавам как разлагающее действие одомашнивания и дал ему за эти выходки прозвище Гопник.

Источником же фантазии для него являлась еда. Это было довольно странно для пса с помойки, каждый день которого когда-то был посвящен по большей части поискам средств для

пропитания. Но тем не менее это было так. Просто есть корм он отказывался наотрез. И дело было не в том, что ему хотелось чего-то другого — каши на бульоне, сахарной косточки или сомнительного полуфабриката из ближайшего супермаркета. Просто, вероятно, без борьбы за «кусочек хлеба» желудочный сок не вырабатывался. Примитивно набивать утробу, по его мнению, — удел слабых, рафинированных созданий. Пищу надо добывать с боем. Тогда она перестает быть таковой и приобретает статус добычи. Этот романтический флер, скорее всего, служил для него чем-то вроде приправы. Чик садился перед полной миской и ждал.

— Иди рассказывай своему коню Василию сказку, — усмехнулся Кирилл.

— Почему «коню Василию»? — спросила сестра, насыпав в миску корм, и встала над псом, зажав коленями его плечи.

Суть борьбы за средства пропитания сводилась к тому, чтобы сжать ногами ожиревшие бока питомца и страшным голосом возвестить: «Сейчас отниму... Сейчас отниму и все съем!» Говорить следовало убедительно, по Станиславскому, иначе Чик отказывался верить и продолжал сидеть, глядя в стену. Если же искусство перевоплощения в оголодалого хозяина, готового есть с пола коричневые камушки, достигало необходимого уровня, пес кидался на защиту миски всей своей широкой от обильного питания грудью. В подтверждение серьезности намерений он сопровождал процесс вполне убедительным рыком. Игра игрой, но совершенной уверенности, что за рычание не получит газетой по ушам, у него не было. Поэтому для верности он поджимал хвост и изредка вопросительно косился на хозяйку. Убедившись, что куртуазность поведения не нарушена, Чик возвращался в исходное положение. Есть он, конечно, при этом не забывал. Не переставая рычать, он умудрялся периодически захватывать оскаленной пастью порцию корма и судорожно проглатывать.

— Потому что я вспомнил одно описание в интернете. Сейчас найду. — Брат порылся в телефоне и процитировал: — «Не ездила на конюшню несколько дней, сдав коня Василия

берейтору. Это выдержка из сегодняшнего отчета по коню Вассилию: „...глаза хитрожопые, морда веселая, изображал пугливого коня-дурака. Бояться было нечего, вокруг было тихо и спокойно, поэтому он остановился, насрал посреди манежа и потом боялся своей кучи...“»¹ Ну, разве не похож на Чика? Та же бездна фантазии. А по поводу автора — некоторым берейторам следовало бы иногда помимо зарплаты выдавать Пулицеровскую премию, настолько они красочны и емки в своих скромных деловых отчетах. А еще им не помешало бы в свободное время давать мастер-классы по искусству написания постов блогерам, которые в школе спали с открытыми глазами на уроках по русскому языку и литературе, а потом вдруг возомнили себя гениями словесности. Ну согласишься?!

Кира по достоинству оценила слог: колени ее предательски начали подгибаться от смеха. Чик, не обладая даром провидца, тем не менее понял, что наметилась нехорошая тенденция сделать из него ездовую собаку. Принципиально отказываясь терпеть на своей спине пятьдесят с лишним килограммов живого веса, особенно во время еды, он предусмотрительно лег грудью на миску и по привычке зарычал.

Его категорический протест был прерван звонком в дверь. Утирая слезы умиления и хлопая в ладоши в знак преклонения перед талантом безымянного берейтора, Самойлова пошла открывать дверь. Питомец правильно, а главное, быстро оценил ситуацию: еще неизвестно, кто пришел, а оставлять миску, когда на кухне находился Кирилл, было бы верхом беспечности. Поэтому Чик решил не рисковать и сохранил исходное положение. Ждать пришлось недолго. Через мгновение на пороге кухни появился Кузьмич — молодой человек с печальными глазами и немного флегматичной полуулыбкой.

¹ С просторов интернета. Сама история: https://www.facebook.com/kaminsky.maria/posts/10204405579098236?_rdc=2&_rdr. И рассказ хозяйки: <http://koniclub.pro/forum/index.php?threads/kon-vasilij-zvezda-internetov-koni-sobaki-koty-kartinki.2293/>

Если бы Киру попросили кратко описать внешность пришедшего приятеля, она уложила бы в одно слово: «вешалка». Высокий рост, широкие плечи и удивительная худоба полностью укладывались в это определение. Но яркость образу придавала не фигура, а волосы. Делать комплименты мужчинам в современном обществе как-то не принято, и Кира не хотела нарушать традиции. Но в глубине души, глядя на роскошную шевелюру, испытывала вполне объяснимую зависть. «Ну зачем ему такие волосы? — с грустью размышляла она. — Будь он совсем лысым, ничего бы в его жизни не изменилось. А я бы с такой копной была бы просто неотразима. Как несправедливо устроен этот мир».

Обладатель же такого ценного в глазах женщины атрибута внешности относился к нему возмутительно наплевательски. Все эти салоны красоты и новомодные барбершопы остались для Кирино приятеля далеко за кадром. Единственное, на что могла рассчитывать растительность на голове у Кузьмича, это первый попавшийся шампунь с прилавка ближайшего супермаркета. В остальном же она была предоставлена сама себе — росла как хотела и куда хотела, закрывая пол-лица и падая живописными волнами на плечи.

Ощущение полной внутренней свободы и презрения к социальным шаблонам приятеля укреплялось при взгляде на его гардероб. Концепция обмундирования Кузьмича, по мнению Самойловой, сводилась к элементарному принципу — «до чего дотянулась рука». Рука обычно дотягивалась до всего без помощи глаз и мозга, которые по утрам предпочитали находиться в разрыве с реальностью, пока тело облачалось. Результаты данной раскоординации, как правило, получались удивительные. Если бы Самойловой пришло в голову просочетать несочетаемое, у нее все равно получилось бы хуже, чем у приятеля в период утренней сомнамбулии. В свете всего выше сказанного образ получался ярким, незабываемым, но несколько странным.

А вот глаза, пронизательные и мудрые, диссонировали с явно хипстерским образом. Кира как-то попробовала вспомнить, видела ли у кого-нибудь хоть наполовину похожий взгляд, но ничего

не получилось. Все ее знакомые просто смотрели друг на друга, вроде бы иногда даже внимательно, но исключительно поверхностно. Так обычно изучают этикетки на упаковках. С Кузьмичом же все было иначе. Он смотрел внутрь человека, но как-то так, что от этого у визави не возникало чувства, что его публично раздевают до нижнего белья. Скорее наоборот, его понимают, даже если в силу косноязычия и внутренней закрепощенности он ничего толком объяснить не смог. Потрясающий внутренний диалог. Конечно, не мамихлапинатапай¹, но что-то близкое по ощущениям.

Появление Кузьмича в гостях у Кире, как правило, сопровождалось вручением какого-нибудь неожиданного презента. На этот раз таковым явилась книга «Искусство маркетри». Выяснить, где, когда, как и при каких обстоятельствах родилась идея пополнить ее домашнюю библиотеку подобным изданием, хозяйке не захотелось. Да и приятель, скорее всего, затруднился бы ответить на этот вопрос. Поэтому Самойлова предпочла оставить до лучших времен подарок на тумбочке в коридоре, а сама направилась на кухню вслед за гостем.

— Садись, — сказала Кира. — Фофа, налей ему чай, а я пока докормлю Чика.

Но повторно разыгрывать спектакль не потребовалось: присутствие двух непрошенных гостей, которые могли составить здоровую конкуренцию, явилось для пса достаточным аргументом, чтобы не затягивать процесс. Когда хозяйка обернулась, миска была уже пуста, а сытый питомец с теннисным мячиком в зубах протискивался между ногами под обеденный стол.

Как только Самойлова вернулась к гостям, Кузьмич тут же вскочил, уступая ей нагретое место. Качественное домашнее воспитание не позволяло ему сидеть в присутствии женщины.

¹ Mamihlapinatarai (обычно читается как «мамихлапинатапай») — слово из языка племени яганов (Огненная Земля), указано в книге рекордов Гиннеса в качестве «наиболее емкого слова» и считается одним из самых трудных для перевода. Оно означает «Взгляд между двумя людьми, в котором выражается желание каждого, что другой станет инициатором того, чего хотят оба, но ни один не хочет быть первым».

